

тельность и величие, коих им не хватает, ибо с годами они становятся просто омерзительны. Что же до Бассомпьера, который утверждал, что ему нравятся жепицы в устах, я не удивляюсь, откуда у него такие вкусы.

Он был всегда весьма учтив и галантен. Один из его лакеев, увидев, что какая-то дама проходит по двору Луврского Дворца и никто не несет ее шлейфа, тотчас же подхватил его, сказав: «Пусть не говорят, что лакей г-на маршала де Бассомпьера не услужит даме». Это была покойная графиня де Ла-Сюз; она все рассказала Маршалу, и тот сразу же сделал этого слугу камер-лакеем.

Хотелось бы, чтобы при Дворе был всегда кто-нибудь на него похожий: ведь он поддерживал его славу, он принимал и развлекал иностранцев. Я бы сказал, что он был при Дворе чем-то вроде Любезного Кавалера из «Романа о Розе».³ Вот почему «Бассомпьерам» называли всех тех, кто отличался приятной наружностью и щегольством. Одна куртизанка по этой причине велела называть себя «Бассомпьершей», другую прозвали так потому, что у нее был веселый нрав.

Какой-то парень, который носил господ в портшезах в Савойских горах, был прозван «Бассомпьером» из-за того, что он обрюхатил двух девиц в Женева. В связи с этим прозвищем с Маршалом произошел забавный случай на Луаре. Он направляется в Нант в ту пору, когда там обезглавили графа де Шале;⁴ некая особа попросила место у него в каюте для себя и своей служанки; она ехала ко Двору, чтобы добиться милости для своего сына. Плыли всю ночь. В темноте Маршал прокрался к служанке и был уже уже переступить заветный порог, когда лодочник крикнул: «К рулю, Бассомпьер». Это поразило Маршала и, я полагаю, расхолодило. Потом он узнал, что именем этим звали рулевого, и звали потому, что он был самым приятным лодочником на всей Луаре.

Одна известная сводница говаривала, что г-н де Гиз самый щедрый, г-н де Шеврез — самый дородный, г-н де Терм — самый бойкий, а г-н де Бассомпьер — самый красивый и самый большой насмешник.

Все вышеупомянутые, а также г-н де Креки и отец де Гонди, в ту пору Генерал галерного флота, часто вместе обедали и любили подтрунивать друг над другом, но как только они чувствовали, что предмет их шуток конфузится, переходили к другому. Те, кто сидел с ними за столом, предпочитали ничего не есть, а только их слушать.

Я уж как-то говорил, что Маршал никогда хорошо не танцевал; да и верхом выглядел неважно; в нем было что-то грубоватое, он был довольно неуклюж. Однажды Маршал участвовал в Королевском балете; перед самым его выходом кто-то имел глупость сообщить ему, что умерла его мать. Она слыла прекрасной хозяйкой, и он был ей многим обязан. «Вы ошибаетесь, — сказал Маршал, — она умрет, когда кончится балет».

Маршал не раз входил в состав Посольства. Он рассказывал покойному Королю, что в Мадрид он въехал верхом на прехорошеньком муле,